

"Одинокий мужчина"

(2009)

США,

Режиссёр:

Том Форд

Вероника Сахарова

Я умер, я проснулся

Если жизнь - сон, тогда смерть есть пробуждение, освобождение прежде связанной в нем силы, что дается человеку как ощущение "странной легкости".

Л. Толстой «Война и мир»

Каждая форма, когда умирает, т.е. растворяется, как форма, - она открывается. В этом красота смерти, которой ум так боится.

Смерть формы – это не катастрофа, это открывание того, что находится за формой. Бога легче всего найти в момент смерти.

Экхарт Толле «Погружение в бытие»

После гибели Джима Джорджа одолевают кошмары. Особенно один, похожий на бред, мучительное видение, приходящее во сне и наяву: беззащитно обнаженный, он тонет в темной толще воды, безвольно опускаясь на дно, его тело словно одеревенело, и нет сил, чтобы подняться на поверхность...

Этот ночной кошмар - отражение дневной реальности Джорджа. Вместе с утренним пробуждением он из одной бездны обрушивается в другую. Точнее, бездна одна - бездна его безграничной скорби по Джиму. Но у этой скорби есть несколько «агрегатных состояний», как у льда и плазмы. В яви намного сложнее, нет возможности отделиться собственным мыслям и воспоминаниям... Намертво приросшая Персона предъявляет свои права, и Джордж каждое утро пытается вспомнить, «как это: быть профессором Фальконером». Ему самому, как и зрителям по ту сторону экрана, очевидна вся внутренняя ненужность того, с какой тщательностью он выбирает самую накрахмаленную и белоснежную из стопки подобных ей рубашку, идеально повязывает красивый галстук, аккуратно бреется, глядя в зеркало на искаженное горем лицо и бормоча отражению: «Только дотяни до вечера!»

Жить по-другому Джордж не решается, не умеет. Решение «навсегда разобраться с прошлым», т.е. совершить самоубийство, в такой ситуации приходит само собой, ведь в жизни Фальконера нет ничего, что придавало бы ей смысл. Но самоубийство – невыполнимое дело, когда ты одержим страхом перед жизнью и перед смертью одновременно...

Профессор Фальконер – импозантный (гнусавое слово) мужчина. Образованный, умный, чувствительный. Он интересен своим студентам, интересен друзьям и случайным спутникам, интересен и женщинам, и мужчинам, но, кажется, совсем не интересен самому себе. Весь смысл его прежней жизни был сосредоточен в Другом. Джим придавал реальности Джорджа краски, плотность и страсть. Джим вскакивал по утрам «таким счастливым, что хотелось врезать ему». Встречая радостью каждую секунду бытия, Джим не боялся смерти, которая могла наступить (и однажды наступила) в следующую секунду. Мы мало знаем о Джиме, чтобы понять, чего в этом бесстрашии было больше: крылатости пуэра или мудрости Дзен...

«Вся суть Дзен заключается в том, чтобы ступать по лезвию бритвы настоящего момента — быть абсолютным, быть в настолько полном и совершенном присутствии, что никакая проблема, никакое страдание, ничто из того, что не является тем, кто ты есть по своей сути, не имело бы возможности выжить в тебе». Экхарт Толле «Погружение в бытие».

Фальконер - человек совершенно иного склада. Друзья и знакомые привычно обращаются к нему: «Старик». Джордж далеко не старик, но такова его суть, что каждый новый день для него имеет только одно значение: это «не просто мгновение, а напоминание о приближении к смерти». Страх смерти и, как следствие, страх жизни (или наоборот), стали его реальностью задолго до гибели Джима, который был тем, кто помогал другу контейнировать этот страх.

Вышедший в 2009 г. режиссерский дебют Тома Форда «Одинокий мужчина», снятый по роману Кристофера Ишервуда, получил множество положительных рецензий. Практически в каждой говорится о выдающихся визуальных качествах и безупречном стиле картины, великолепных актерах и нетривиальном сценарии, о сюжете, развитие которого предсказать невозможно, о нежности, о любви, об утрате, о правах сексуальных меньшинств... Я бы хотела сказать о страхе, теме, не слишком затронутой в прочитанных мною рецензиях, зато именно о нем с жаром говорит Фальконер в последней лекции своим студентам, вольно или невольно оставляя эти слова завещанием им и всем нам. Разговор о страхе - единственный эпизод за весь «последний день», когда профессор делает что-то такое, чего никогда не делал раньше, выходит за очерченные этим страхом границы.

«Мы боимся, что у нас пахнет изо рта. Одиночества. Старости. Что всем на нас наплевать, что мы больше никому не нужны», - говорит Фальконер на своей лекции.

Страх и стыд давным-давно заключили профессора в панцирь безупречности внешних атрибутов, оградив от травмирующей непредсказуемости жизни, от возможности быть осмеянным или отвергнутым ею. Джордж живет, скрывая от всех (кроме Джима) свои истинные чувства: слабость, робость, гнев, внезапно возникающее влечение или нежность, особенно нежность! Ведь эта нежность вызывает презрение, которого он боится больше всего. Вежливый, милый, всем приятный Фальконер. Окружающим так нравится иметь с ним дело, но один нюанс – это не он, это ментальная конструкция «Ложного Я», скрывающая под собой неуверенность и переживание, что, чтобы ты не делал, ты недостаточно хорош, недостаточно «нормален».

«Одиночество - это не то, что вы никому не нужны, ваш телефон молчит, вас никто не любит, вы невостребованны... Одиночество - в первую очередь о том, что вы не нужны только одному человеку: самому себе» (М. Лабковский)

Джордж одинок именно в этом смысле, и даже самый преданный партнер не избавит от этого одиночества. Исцелиться можно, лишь вступив в контакт с собственной экзистенцией, открывшись подлинному опыту «Я», выйдя за рамки травматических защит.

Немецкий психоаналитик Г. Фишер говорил, что «травма – это панцирь, заковывающий душу и тело в замороженные слезы». Когда в одном из своих кошмаров Джордж идет по снежному полю к разбившейся машине Джима, его торжественная походка и негнувшаяся спина выглядят так, словно он ступает по подиуму под светом софитов, и миллионы критически оценивающих глаз устремлены на него. Кажется, в такой ситуации, хоть в жизни, хоть в сновидении, было бы естественнее бежать, забыв все на свете, растрепанным, неприбранным, нелепым... Как можно идеально выглядеть в состоянии безумного горя? Но для Джорджа «выглядеть идеально» – единственно возможный поведенческий паттерн.

Он никогда не любил просыпаться по утрам. «Чтобы быть Джорджем, надо вспомнить, как он должен выглядеть, как вести себя...» Герой Колина Ферта каждое утро надевает на себя свое «Ложное Я» вместе с отглаженной рубашкой. Это «Ложное Я» - целая империя, где нет ни одной лишней или непродуманной детали, где блокноты и ручки лежат всегда параллельно друг другу, ботинки отполированы до блеска, костюмы сидят без единой складки, как на манекене, а галстук на трупе обязан быть повязан единственно «верным» виндзорским узлом, что обязательно должен проконтролировать будущий покойник, будто даже на том свете ему будет не все равно, что о нем скажут!

«У тебя всегда есть возможность разобраться с настоящим моментом, но ты никогда не сможешь совладать с тем, что является всего лишь ментальной проекцией — ты не можешь справиться с будущим». Эхарт Толле «Погружение в бытие».

Описывая свою растерянность после гибели друга, Фальконер замечает: «Впервые в жизни у меня нет плана на завтра». И похоже, это мучает его не меньше, чем отсутствие Джима.

Интересно, что в своем окружении Джордж постоянно сталкивается с непосредственными и аутентичными людьми: открыто выражает любые чувства Шарлотта, искренен в проявлениях и не зависим от чужого мнения Джим, Кенни свободно говорит о своих увлечениях и страхах, даже случайный жигало на заправке достаточно доверителен и откровенен. Судьба словно показывает Фальконеру направление необходимой трансформации, но он не понимает и не принимает ее посланий.

Насколько предрасположенность к страху может быть заложена в генах? Разные люди, оказавшись в непростой жизненной ситуации, например, в «меньшинстве», скорее всего, отнесутся к этому факту по-разному. Есть меньшинства и «меньшинства», - говорит Фальконер на своей лекции. Есть меньшинство «блондинов», меньшинство «рыжих» или «людей с веснушками». Но есть «меньшинства», на которых большинство спроецировало собственную Тень, люди, сталкивающиеся с ненавистью, отверженностью и стыдом за свою инаковость, вынужденные проходить испытание страхом более тотальным и подавляющим, нежели все остальные, и только сильные натуры вроде Джима выдерживают это давление, не скрываясь под панцирем «Ложного Я». Поэтому сложно сказать, насколько «закрытость» Фальконера связана с тем, что он гей, а насколько - с его собственной личностной структурой.

Метафорой закрытости становится тема «невидимости». «Мы – невидимки», - говорит Джордж Джиму, построив для совместной жизни лицемерно «стеклянный» дом. Невидимость – про невозможность открыто проживать и выражать собственные чувства, ощущения, собственную бытийность. Невидимка – все равно что призрак, «странный голос, одновременно присутствующий и отсутствующий, единичный и множественный, носящий в себе различие, такой же призрачный, как человек, отличный от самого себя и своего духа».

Он есть другой, но, в то же время, больше, чем другой. Он дезорганизует время. Он есть след самого себя». Жак Деррида.

Проявить свою подлинность всегда непросто, но в разы сложнее, когда ты - «иной», тот, кого могут презирать соседи, коллеги, ученики. И все же истинный вред от такого презрения меньше, чем отчуждение от самого себя. Если ты живешь не своей жизнью, то единственный способ ощутить себя живым – это слияние с партнером, через которого ты, собственно, и живешь. Утрата такого партнера становится не только горем, но катастрофой, потому что иного способа контакта с собственным бытием у тебя просто нет.

«В моей жизни был какой-то смысл, только когда я действительно чувствовал, что кто-то рядом», - говорит Фальконер юному Кенни. Мне кажется, Самость, как структура, стремящаяся максимально реализоваться через каждую конкретную индивидуальность, едва ли удовлетворится таким «положением дел» и будет стремиться разрушить мешающее развитию слияние даже ценой жизни одного из партнеров, если союз слишком прочен, чтобы распасться сам.

В чем смысл недоступной любви? Любви неразделенной, любви потерянной? В том, чтобы обратиться внутрь в поисках опоры и встретить в этом внутреннем пространстве подлинного себя, находящегося ни в прошлом, ни в будущем, а именно здесь и сейчас.

«И это все, что есть. Жизнь происходит сейчас. Никогда не было и не будет времени, в котором твоя жизнь протекала бы не сейчас. Момент Сейчас является единственной точкой, способной прорвать ограничения и вынести тебя за пределы времени. Это единственная точка доступа во вневременное и не имеющее формы царство Сущего. Иногда в чрезвычайных и угрожающих жизни ситуациях сдвиг сознания из времени в присутствие происходит естественным образом». Экхарт Толле «Погружение в бытие».

С Фальконером это происходит в момент его смерти. Джордж еще не знает, что через несколько минут он умрет, но душа его знает, и в эти последние минуты он проживает подлинный инсайт соединения с жизнью, после которого смерть становится не страшна. В этот момент он избавляется от своего постоянного страха.

Моменты абсолютной ясности накатывали на меня несколько раз в жизни... На несколько секунд все заглушает тишина, и я не думаю, я чувствую. И все кажется таким настоящим. И мир кажется таким юным, словно все на свете наконец-то пришло в порядок. Эти мгновения невозможно удержать. Я цепляюсь за них, но они ускользают. Только на этом и держится вся моя жизнь. Эти мгновения возвращают меня в Настоящее. И я понимаю, что все идет именно так, как и должно...

Смерть пришла именно в такое мгновение.